

С.В. ЧУГРОВ, Л.Б. КАРЕЛОВА

**СПЕЦИФИКА И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНЦЕВ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ 1998–2019 гг.¹**

Аннотация. С конца XIX в. внимание исследователей привлекает отличие незападных матриц политического самосознания от западных. Проблема находится на стыке социологии и политологии. Задача настоящей статьи — выявление специфики политической идентичности в Японии на материалах опросов общественного мнения за последние 20 лет, данные которых анализируются с учетом особенностей национальной политической системы и политической культуры этой страны. В центре внимания авторов — представления японцев об образе Японии, важнейших политических задачах и предпочтительных формах управления; отношение к институтам власти, а также особенности субъектности общества. В статье применяется сочетание социологических методов анализа опросов общественного мнения, историко-культурного подхода, а также метода «деконструкции», предполагающего определение основных концептов, нарративов, мифов и других форм дискурса, которые были преобразованы в элементы политической идентичности или оказали и продолжают оказывать влияние на ее эволюцию. Анализируя опросы общественного мнения, авторы показывают, что традиции продолжают играть существенную роль в формировании конфигурации политической идентичности японцев, определяя такие ее черты, как упование на покровительство вызывающих симпатию и доверие представителей политического класса, ожидание социальной защиты

Чугров Сергей Владиславович — доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (Университет).

Адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. **Телефон:** +7 (495) 502-43-17.
Электронная почта: new-polis@politstudies.ru

Карелова Любовь Борисовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН.

Адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. **Телефон:** +7 (495) 697-71-65.
Электронная почта: lbkarelova@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ по проекту № 19-011-31666 «Политическая идентичность в Японии: динамика ценностей и традиций (в перспективе российско-японских отношений)».

со стороны правительства, высокая степень национального единства, поддержка государства как основного политического субъекта и низкий уровень индивидуальной партисипативности. Такая специфика определяется стремлением в контексте нелинейной динамики социально-политических трансформаций положиться на патернализм властей и другие традиции.

Ключевые слова: политическая идентичность; Япония; опросы общественного мнения; самоидентификация; традиции.

Для цитирования: Чугров С.В., Карелова Л.Б. Специфика и основные тренды политической идентичности японцев: по материалам опросов общественного мнения 1998–2019 гг. // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 38–55. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6816

Постановка проблемы, исследовательские задачи, методология

Подход к социологическому исследованию политических процессов в отдельных странах и регионах с точки зрения феномена политической идентичности помогает увидеть скрытые истоки формирования и структуры политического сознания, объяснить те или иные выборы, уловить тенденции предпочтений и ориентаций, а также создает более благоприятные условия для прогнозирования и принятия политических решений. Не случайно в последнее время появилось значительное количество теоретических работ, посвященных политической идентичности и анализирующих разные уровни и аспекты этого многомерного явления. В их числе исследования отечественных ученых О.Ю. Малиновой [4], В.И. Пангина [6], О.В. Поповой [7], И.С. Семененко [8; 9], Н.И. Тимофеева [11] и др., а также японских ученых Анно Тадаси² [12], Асидзава Кунико [13], Иногути Такаси [2; 14].

Авторы настоящей статьи руководствовались определением политической идентичности как совокупности идейных ориентаций и установок по отношению к тем или иным политическим идеям, институтам и событиям, которая «утверждается путем соотнесения себя с референтным коллективным участником политического процесса и самоопределения относительно идейных позиций и интересов» [8, с. 349–350].

Легко применимые в западных странах подходы к изучению политической идентичности через партийную принадлежность и электоральный выбор оказываются малоэффективными в отношении таких стран, как Япония, где представительная демократия имеет свою национальную специфику. К примеру, в Японии такие особенности политической системы, как доминирующее положение на протяжении многих лет одной правящей партии, практики достижения парламентского консенсуса, традиционно сильные позиции бюрократии требуют применения особых методов исследования структуры политической идентичности. В этом плане наиболее действенными являются социологические методы и прежде всего анализ опросов общественного мнения, сфокусированный на показателях, наиболее рельефно отражающих специфику политического сознания рассматриваемого общества. Таким образом появляется больше

² В соответствии с традицией советского и российского научного японоведения здесь и далее приводится сначала фамилия, а затем имя в транскрипции Е.Д. Поливанова.

возможностей вычлениить ценностный и мировоззренческий аспекты политической идентичности, которые часто существуют за пределами сферы рационального выбора и обуславливаются мифами, символами, нарративами, что особенно актуально в обществах, где сохраняется сильное влияние национальных традиций.

Не будет натяжкой утверждать, что Япония — буквально рай для социологов. Более 140 лет минуло с тех пор, как Эрнест Франсиско Фенольоза (Fenollosa) (1853–1908) прочел в 1878 г. первую лекцию по диковинной дисциплине, социологии, в Токийском Императорском университете. Тогда придумали науке эквивалент *зунгаку*, означавший «наука о коллективе», поскольку западное понятие «общество» казалось непостижимым для японского сознания: коллективы были, а общества не было. Понадобились годы, чтобы появился и прижился термин *сякайгаку*, «социология, наука об обществе» [5, с. 113; 1; 18, р. 60–61].

Японцы с энтузиазмом и проводят опросы, и участвуют в них, отвечая на вопросы, словно выполняя первейшую гражданскую обязанность. Главное — они всецело доверяют результатам опросов, с помощью которых можно заглянуть в самые потаенные уголки сознания. Хотя ключевые методы опросов разработаны в США, возможно, именно в послевоенной Японии искусство измерения всех мыслимых аспектов общественного сознания стало наиболее утонченным. Так пошло с инициативы Коямы Эйдзо (1899–1983), который после поражения Японии в Тихоокеанской войне «пробрался, трепеща от “страха страшного” (*осору—осору*), сквозь опаленные пожарами руины Токио», чтобы донести до оккупационных властей мегапроект социологических опросов в Японии [16, р. 499–500].

В данном исследовании авторы провели целевую обработку многолетних социологических замеров общественного мнения, проводимых японскими агентствами и центрами, среди которых в частности:

а) *Найкакуфу дайджин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кан суру ёрон тэса* (Информационный отдел при секретариате Кабинета министров). Сокращенно — Найкакуфу. Кабмин);

б) *ННК хосо бунка кэнкюдзё* (Научно-исследовательский институт вещательной культуры корпорации Эн-Эйч-Кэй). Сокращенно — НК. НИИ Эн-Эйч-Кэй;

с) Некоммерческий независимый аналитический центр *Гэнрон* («Общественное мнение»). Сокращенно — Гэнрон;

д) Исследовательский отдел газеты *Асахи*. Сокращенно — Асахи.

Интерпретация полученных результатов уточнялась в серии интервью с видными учеными Японии — Иногути Такаси, Симотомаи Нобуо, Хакамада Сигэки, Вада Харуки и др.

Авторы поставили цель зафиксировать основные параметры политической идентичности японцев, сопоставляя по реперным точкам итоги опросов.

В исследовательские задачи авторов входило вычлениить в бесконечной веренице опросов те, которые 1) характеризовали бы политическую идентичность японцев и 2) показали бы, в каком соотношении она определяется традицией и какие тенденции к изменениям она обнаруживает на протяжении двух последних десятилетий.

Специфика политической субъектности японцев

Принципиально важным моментом, характеризующим политическую идентичность индивида или группы, является степень ощущения себя субъектом политического процесса, а также форма этой субъектности.

В период 1998–2019 гг. опросы о том, как граждане оценивают свое влияние на принятие политических решений, выявили вектор его динамичного роста в глазах респондентов, а доля находящихся, что такового «совершенно нет», уменьшалась (табл. 1). Так, суммарный индекс признания общественного влияния вырос с 15,4% в 1998 г. до 28,3% в 2019 г., а индикатор его отрицания упал с 79,8 до 69,3%. Явно сократилась численность тех, кто считает, что люди не имеют никакого влияния на процесс принятия решений (с 27,8 до 15,2%). Однако в 2012 г. доля отрицающих общественное влияние на политику страны резко увеличивается до 81,9%, а признающих такое влияние снижается суммарно до 15,5%. Почему? Катастрофа 11 марта 2011 г. на атомной станции Фукусима-1 вызвала резкую критику власти и неверие в возможности общества влиять на политику. В итоге произошла консолидация общества, и после трехлетнего перерыва в 2012 г. к власти вернулась Либерально-демократическая партия (ЛДП), а премьер-министром стал сильный лидер Абэ Синдзо.

Таблица 1

Как Вы оцениваете влияние общественного мнения на политику?

% от числа опрошенных

Время опроса, число опрошенных, чел.	Варианты ответа				
	влияние очень велико	велико до определенной степени	не знаю	влияния практически нет	влияния совсем нет
декабрь 1998, n=6858	1,4	14,0	4,8	52,0	27,8
январь 2004, n=6886	1,7	19,3	5,7	52,5	20,8
февраль 2008, n=5494	1,1	20,6	3,0	56,3	18,9
январь 2012, n=6059	1,1	14,4	2,6	55,1	26,8
февраль 2019, n=5439	1,2	27,1	2,5	54,1	15,2

Источник: Сякай исики-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос по отношению к общественному сознанию.] // Найкакуфу. Кабин. 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp>

В целом невысокий уровень веры в возможность влияния общества на принятие политических решений и отсутствие явного стремления изменить положение дел можно считать одной из культурно обусловленных особенностей, связанных с инерцией патернализма японской политической идентичности. Здесь наглядно протупает социокультурная традиция японцев: профессионалы-политики занимаются своим делом, а своеобразное моральное табу запрещает вмешиваться в их политическую кухню. Вместе с тем играет роль и относительная слабость гражданского общества в Японии, и нередко наблюдаемое совмещение постов в законодательных и исполнительных органах власти. В данном контексте уместно упомянуть анализ сформировавшегося в эпоху Мэйдзи понятия «публичного», кото-

рый предложил японский ученый Нагасака Тосихиса. Он обращает внимание на то, что буквальный перевод термина «публичный» (*ко:кё:*) означает также «вместе с государством» [17, р. 106–107]. Длительное время политическая роль граждан воспринималась как функционирование в системе государственного управления. С периода Мэйдзи, когда японцы ощутили себя подданными единой империи, основным политическим субъектом в Японии воспринимается «народное государство» (*кокумин кокка*); при этом чувство гражданского общества (*симин сякай*) гораздо слабее.

Другие опросы также обнаруживают небольшой сдвиг во взглядах японцев в сторону политической активности (табл. 2).

Таблица 2

**Как массы могут влиять на политику государства,
% от числа опрошенных**

Время опроса, число опрошенных, чел.	Варианты ответа						
	политики должны внимать голосу народа	народ должен проявлять интерес к политике страны	народ должен голосовать осмысленно на выборах	нужно расширить сферы участия народа	правительству надлежит прислушаться к общественному мнению	СМИ должны отражать мнение народа	другое, не знаю
декабрь 1983, n=6040	27,1	18,5	21,1	9,5	12,7	4,8	6,2
декабрь 1988, n=6577	28,5	17,9	20,2	13,2	12,6	4,0	3,6
декабрь 1989, n=6431	25,9	18,9	18,0	16,6	12,9	4,6	3,3
февраль 2005, n=6143	28,8	20,3	16,6	13,8	13,6	4,2	2,7
январь 2012, n=5833	30,1	20,2	13,7	15,5	13,3	4,6	2,6
февраль 2019, n=5238	24,8	23,4	16,2	12,0	15,6	5,7	2,3

Источник: Сякай исики-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос по состоянию сознания общества.] // Найкакуфу. Кабмин. 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h30/h30-shakai/index.html>

Несмотря на то, что формулировка вопроса «как массы могут влиять на политику государства?» акцентирует субъектность народа, ответ как бы переводит стрелку на политиков: «политики должны внимать голосу народа» (правда, есть падение с 30,1% до 24,8% в 2012–2019 гг.). Такой самый популярный ответ возлагает роль деятельного агента именно на политический класс, а народу достается пассивная роль «выразителя мнения». Иные опции, акцентирующие роль народа, оказались на втором и третьем местах среди предпочтений, что отражает традицию опоры на патернализм власти: не только учитель-сэнсэй, адвокат, врач берут на себя опеку над воспитанником, подзащитным или больным, но и политик обязан опекать любого японского подданного.

Данную ситуацию подтверждают и опросы о предпочтительных формах участия граждан в политическом процессе, проведенные соответственно аналитическим центром Гэнрон и Институтом ННК.

Лишь 4% респондентов ответили «буду участвовать в демонстрациях и митингах», что говорит об исключительно неконфронтационных настроениях большинства (табл. 3).

Таблица 3

Как Вы будете действовать, если хотите повлиять на нынешнюю политику Японии? %

Варианты ответа*	Доля ответов
проголосую за близкого мне политика	80
буду участвовать в сборе подписей	23
буду выражать свое мнение через интернет и публикации в газетах	16
буду обращаться к политикам и в административные органы	9
буду участвовать в избирательных кампаниях	6
буду участвовать в демонстрациях и митингах	4
лично баллотироваться на выборах	1
ничего не буду делать	10
другие ответы, не могу ответить	3

*Примечание: респонденты могли выбрать любое количество предлагаемых ответов, n=2043.

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кансуру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Опрос NHK о каналах влияния на политический процесс показывает: для японцев важнее не принадлежность к той или иной партийной структуре, а личность и талант конкретного политика (табл. 4).

Таблица 4

Из форм политической активности граждан выберите наиболее предпочтительные, % от числа опрошенных

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.				
	1998, n=3622	2005, n=3319	2008, n=3103	2013, n=3070	2018, n=2751
постараюсь избрать талантливого политика в надежде, что он будет представлять мои интересы	59,6	59,7	59,1	59,7	59,7
если возникнут проблемы, буду обращаться к поддержанным мною политикам и с их помощью добиваться учета своего мнения	18,0	18,5	19,9	20,6	20,0
буду поддерживать партии или группы и через них стараться реализовать свои требования	14,7	12,7	12,6	12,3	12,6
другие варианты	0,3	0,5	0,3	0,5	0,5
не могу ответить	7,3	8,6	8,1	6,9	7,2

Источник: Дайдзюкай «Нихондзин-но исики» тёса. [10-й опрос «Как думают японцы».] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй. [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09. 2019. URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20190107_1.pdf

Отношение к партиям

С 1990-х годов, как следует из опросов, нарастает недоверие к институтам власти (и в первую очередь представительной власти). Оно часто продиктовано аморфностью политики, непонятной публике борьбой фракционных лидеров, чехардой премьер-министров в 2006–2012 гг., «апатичной» политикой правительства (*кимэраэрэнай сэйдзи*), неспособного принимать смелые решения и лишь реагирующего на вызовы.

Японские медиа с пристрастием освещают дебаты в обеих палатах парламента, а социологи проводят неимоверное количество опросов, которые указывают на низкий уровень симпатий к политическим партиям. Число индифферентных (ответивших «не поддерживаю никого») заметно превышает долю симпатизирующих даже самой популярной партии ЛДП (табл. 5). Однако доля равнодушных уменьшилась за 20 лет почти на десять процентных пунктов — с 52,1% в 1999 г. до 42,5%, тогда как доля симпатизирующих ЛДП сохранялась почти неизменной. А это — слабый симптом, свидетельствующий о росте политического активизма.

Стабильность динамики подтверждается другими источниками, например свежим опросом газеты Асахи³: более 40% японцев не поддерживают какую-либо политическую партию. Это однозначно высокий показатель по сравнению с другими развитыми странами.

Таблица 5

Какую партию Вы поддерживаете? % от числа опрошенных

Название партии	Время опроса, число опрошенных, чел.			
	январь 1999, n=1106	январь 2005, n=1170	январь 2012, n=1068	январь 2019, n=1206
Либерально-демократическая	24,8	29,1	18,3	35,2
Демократическая	5,4	17,7	18,5	–
Конституционно-демократическая	–	–	–	6,0
Комэйто	2,7	3,1	3,7	5,5
Коммунистическая	4,0	2,1	2,0	2,7
Социал-демократическая	3,1	1,7	0,7	0,2
Либеральная	4,2	–	–	0,2
Остальные	0,4	0,8	3,7	1,8
не поддерживаю никого	52,1	38,1	46,1	42,5
не дали ответа	3,3	7,4	7,2	5,9

Источник: Сэйдзи исики гэцүрэй тэса. [Ежемесячный опрос по проблемам политического мышления.] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/political/2019.html>

³ Кэмпо то сэйдзи исики-но ёрон тэса. [Опросы по проблемам конституции и политического сознания.] // Асахи [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM4M4CDXM4MUZPS003.html>

Рывок, который сделала ЛДП с 2012 г. (18,3%) по 2019 г. (35,2%), связан с разочарованием избирателей коротким периодом правления Демократической партии (ДП), в августе 2009 г. победившей на выборах в нижнюю палату с большим перевесом. Лидеры демократов хотели было на месте иерархической вертикальной системы выстроить горизонтальные социальные структуры. Успех ДП, казалось, сигнализировал, что Япония приблизилась к модели, подразумевавшей смену во власти двух политических партий на базе соревновательности. Но так не произошло. Потерпев разгром на следующих выборах, демократы уступили власть коалиции во главе с ЛДП. Дух консерватизма и охранительные тренды пересилили запрос на обновление. Привычный порядок вещей оказался сильнее.

«Демократия караоке» и «демократия кабуки»

В 2017 и 2018 г. аналитический центр Гэнрон, основанный в 2001 г. опытным журналистом Кудо Ясуси, провел опросы, сфокусированные, в частности, на причинах низкого доверия партиям. На вопрос о том, функционирует ли японская демократия, каждый третий японец ответил «нет», а более 40% дали положительный ответ (табл. 6).

Таблица 6

Работает ли японская демократия? % от числа опрошенных

Год опроса, число опрошенных, чел.	Варианты ответа					
	определенно да	скорее да	определенно нет	скорее нет	не знаю	нет ответа
2018, n=1000	5,6	37,6	26,0	7,4	22,8	0,6
2017, n=1000	7,2	36,1	29,2	7,0	20,0	0,5

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Респонденты (n=334) в 2018 г. среди причин, по которым японская демократия «не работает», назвали курс премьер-министра (42,2%), низкую явку избирателей (32,0), недееспособность партий (39,5%), форму дискуссий в парламенте (34,4%), слабость чиновников (25,1%), равнодушие избирателей (28,1), ослабление оппозиции (21,0%) (респонденты могли выбрать любое количество ответов; см. ссылку на источник под табл. 6).

Мыслитель первой половины XX в. Маруяма Масао не выделял японскую демократию как особую модель, но анализировал демократические формы, используя метафору музыкального *бассо остинато*⁴, широко применяемую им для характеристики японского политического сознания [15, р. 27–28]. Фасад японской демократии мимикрирует под западную модель, но обнаруживает специфику, прежде всего стремление решать вопросы путем согласования, с помощью *нэмаваси* («увязывание корней»).

⁴ В полифонической, преимущественно ренессансной и барочной, музыке *бассо остинато* (итал. basso ostinato, букв. — упорный бас) — повторяющаяся в нижнем голосе мелодико-ритмическая фигура, на фоне которой звучат вариации верхних голосов.

Таблица 7

Каким институтам демократической системы Вы доверяете?

% от числа опрошенных*

Название института	Варианты ответа					
	полностью доверяю	отчасти доверяю	в основном не доверяю	совсем не доверяю	не знаю	нет ответа
премьер-министр	2,7	29,7	37,8	19,6	9,3	0,9
судебная система	5,6	60,1	18,1	3,7	11,4	1,1
правительство	1,2	27,7	45,5	15,7	9,1	0,8
политические партии	0,8	16,8	54,7	16,5	10,2	1,0
парламент	1,1	20,0	51,6	15,8	9,9	1,6
силы самообороны	15,4	57,3	14,5	2,6	9,5	0,7
полиция	10,7	56,4	18,8	5,2	8,1	0,8

*Примечание: 2018, n=1000.

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Опять-таки около 60% респондентов считают, что партии не в состоянии решить важнейшие для страны проблемы, что подтверждает вывод о невысоком уровне доверия партиям (табл. 8).

Таблица 8

Можно ли ожидать от партий решения проблем, стоящих перед Японией? % от числа опрошенных

Год опроса, число опрошенных, чел.	Варианты ответа					
	определенно да	скорее да	определенно нет	скорее нет	не знаю	нет ответа
2017, n=1000	4,0	18,5	39,6	19,1	17,1	1,7
2018, n=1000	1,8	16,3	38,0	21,0	22,2	0,7

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Большинство респондентов в рамках опроса высказались за необходимость выборов и признали, что у демократии есть будущее (табл. 9). Но важнее, что понимается под «демократией».

60,8% респондентов уверены в необходимости избирательной системы. Но многие японцы так не считают (17,9%), а у каждого пятого нет ответа (21,1%) (табл. 10).

Доминирование ЛДП — почти константа японского парламентаризма. Лишь 13% одобряют это (табл. 11), но многие считают, что так или иначе надо выйти из данной парадигмы, проявляя, однако, полную толерантность.

Таблица 9

Является ли демократия желательной формой правления?

% от числа опрошенных

Варианты ответа	Доля ответов по годам	
	2018 (n=1000)	2017 (n=1000)
демократия предпочтительнее любой другой политической формы	47,1	45,7
в зависимости от обстоятельств я допускаю недемократические формы политики	17,1	18,9
политическая форма не имеет значения	5,1	3,1
не знаю	30,2	31,5
нет ответа	0,5	0,8

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Таблица 10

Необходима ли система выборов? % от числа опрошенных

Год опроса, число опрошенных, чел.	Варианты ответа					
	определенно нужна	скорее нужна	не нужна	скорее не нужна	не знаю	нет ответа
2018, n=1000	22,2	38,6	13,8	4,1	21,1	0,2

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Таблица 11

Как Вы относитесь к ситуации доминирования в парламенте Либерально-демократической партии? % от числа опрошенных

Варианты ответа	Доля ответов (2018, n=2043)
считаю, что это хорошо	13
не считаю, что это хорошо	80
другие ответы, не могу ответить	7

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Общество разделилось пополам между теми, кто хочет видеть одну сильную оппозиционную партию, и теми, кто предпочел бы сотрудничество разных политических сил. Воспроизводится паттерн «почти 50–50» (табл. 12). Но 80% японцев осуждают доминирование ЛДП, и столько же предпочитают голосовать за близкого по духу политика, но не за партию (табл. 4).

Таблица 12

**Чтобы противостоять правящей партии,
оппозиционная партия должна быть одна
или предпочтительнее совместные действия разных партий?**

% от числа опрошенных

Варианты ответа	Доля ответов (2018, n=2043)
лучше, чтобы была, насколько это возможно, одна партия	47
сотрудничество разных партий более предпочтительно	48
другие ответы, не могу ответить	5

Источник: Нихон-но сэйдзи, минсююги-ни кан суру ёрон тёса. [Опрос общественного мнения по отношению к японской политике и демократии.] // Гэнрон. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.genron-npo.net/future/archives/6991.html>

Иногути Такаси подчеркнул в интервью авторам (1 марта 2018 г.), что в интеллектуальной элите Японии с 2010-х годов зреет интерес к модели «суверенной демократии», предложенной Владиславом Сурковым для защиты социума от влияния чуждой идеологии. Иногути отмечает, что трактовка «суверенной демократии» как расширения полномочий власти, видно, близка тем, кто рефлексировал по поводу ограничений, содержащихся в японской конституции [2, с. 7–8].

Японский политический ландшафт Иногути описывает метафорами «демократия караоке» и «демократия кабуки». Рассмотрев два десятка кейсов министерской чехарды, «демократию караоке» он уподобляет «мелодии» (политической линии), которая остается неизменной (вспомним *basso ostinato* Маруямы Масао), а «исполнители» (политические акторы) по очереди берут «микрофон» (бразды власти), «пропевая» этот «шаблон» с разной степенью одаренности, или, чаще, — безликости. От премьер-министров, проводящих рутинный курс, мало что зависит; они — не более чем скучные «исполнители функции» и обычно не имеют собственного лица.

«Демократия кабуки» опирается на средневековые традиции театра, заложенные еще в XVII в.: «Кабуки в своей современной форме — волнующее действо, драматическое шоу и экстравагантность, не для узкой элиты, а для *hoi polloi* [греч. οἱ πολλοί — многих]. В демократии *кабуки* политические лидеры вносят в свою роль на национальной политической сцене персонализм и эмоции» [16, р. 1–2]. В интервью, указывая на доминирующие ответы респондентов о желании «избрать талантливого политика», Иногути настаивает, что японцы нуждаются в самостоятельных лидерах, а не в лидерах-функциях. Сильные премьер-министры появлялись в XXI в. лишь дважды. Это Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006 гг.) и Абэ Синдзо во время своего второго срока (2012 — наст. вр.), которые развенчали мнение об имманентной слабости премьер-министров Японии, и что национальному характеру присущ уход от определенности, стремление к неоднозначности, расплывчатости (поэтому в опросах японцы часто отвечают «не знаю»).

Отношение к институту императорской власти

Еще в период Мэйдзи была реализована образовательная политика, нацеленная на достижение национального единения, создана концепция *кокутай* (букв. «государство-тело»), выражающая единство государства

и подданных. Миф о божественном происхождении императорской династии и идеи семьи-государства, кровном единстве и особом духе японского народа способствовали сплочению нации, необходимому для модернизации страны. После капитуляции во Второй мировой войне император публично заявил о снятии с себя божественного статуса, однако институт монархии и сегодня занимает особое место в политическом сознании японцев. В 1979 г. специальным Законом о девизах правления (*Гэнгохо*) был закреплён принцип летоисчисления по периодам правления императоров. Хотя набор функций императора куда скромнее, нежели у британских монархов, как «символ государства и единства нации» он играет важную роль скрепы политической идентичности японцев, способствуя восприятию государства не как «контрактного», а как «естественной общности» с народом. Правила престолонаследия, установленные еще в VIII в. «законами Рицурё», обеспечили непрерывность династии (а в японской системе логики, значит, и «непрерывность» самой Японии) [10, с. 117–118]. Императорский дом — гарантия упорядоченности бытия для японцев. Опросы стабильно показывают, что 75–85% социума выступают за сохранение монархии и лишь менее 10% допускают отказ от нее. Устойчивость этого паттерна показывают опросы (табл. 13), в которых предлагалось выбрать один вариант ответа.

Таблица 13

Какие чувства Вы испытываете к императору? % от числа опрошенных

Варианты ответа	Год опроса, число опрошенных, чел.				
	1998, n=3622	2003, n=3319	2008, n=3103	2013, n=3070	2018, n=2751
чувство почтения	19,2	20,2	24,7	34,2	41,0
чувство любви	34,5	41,0	33,5	35,3	35,8
не испытываю никаких чувств	44,2	36,3	38,6	28,4	22,2
чувство антипатии	1,1	0,8	1,0	0,5	0,2
другие	0,2	0,2	0,2	0,1	0,0
не знаю	0,9	1,6	2,1	1,5	0,8

Источник: Дайдзюкай «Нихондзин-но исики» тёса. [10-й опрос «Как думают японцы».] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй. 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20190107_1.pdf

На протяжении 20 лет «индекс любви к императору» устойчив, флуктуируя между 33,5% (2008) и 35,8% опрошенных (2018), а «индекс почтения» к его особе вырос вдвое — с 19,2% в 1998 г. до 41% в 2018-м. Причина, на наш взгляд, — консолидация политической идентичности в противовес трендам глобализации. Опубликованные в 2019 г. итоги опроса, проведенного NHK в 2018 г. (см. ссылку на источник под табл. 13), показывают, что роль, которую общество отводит императору, включает: 1) исполнение церемониальных функций (51,5%); 2) «отражение духа нации» (58,6%); 3) укрепление международного престижа (66,8%); 4) защиту традиционной культуры (54,4%); 5) попечительство науки, искусства и спорта (17,6%).

Патриотизм и отношение к «другим»

Долгое время, пишет видный ученый Анно Тадаси, «чувство неполноценности по отношению к Западу часто компенсировалось сознанием “превосходства” Японии по отношению к остальному незападному миру... Этот факт глубоко воздействовал на самоопределение национальных идентичности и интересов» [12, p. 133].

Интенсивность патриотических настроений также относится к показателям политической идентичности, отражая уровень национальной сплоченности. Испытывая разочарование в парламентской демократии, японцы тем не менее отождествляют себя со страной, воспринимая интересы государства как собственные. Для прояснения динамики патриотических чувств обратимся к следующим опросам NHK (табл. 14).

Таблица 14

Согласны ли Вы со следующими утверждениями? %

Варианты ответа*	Доля ответов по годам									
	1998 (n=3622)		2003 (n=3319)		2008 (n=3103)		2013 (n=3070)		2018 (n=2751)	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
Япония — первоклассная страна	37,5	54,4	35,8	55,9	39,3	52,8	54,4	38,4	51,9	40,0
японцы обладают особыми качествами, превосходя другие народы	51,0	39,0	51,2	39,1	56,7	34,0	67,5	24,6	64,8	26,8
я хочу быть полезным Японии	66,0	25,6	66,1	24,3	69,6	20,8	73,6	18,9	70,3	22,9
Японии даже сейчас можно много чему поучиться у других стран	80,2	12,7	77,4	14,8	64,5	16,6	74,1	17,8	74,7	18,3

*Примечание: респондентам предлагалось выбрать любое количество ответов.
Источник: Дайдзюкай «Нихондзин-но исики» тэса. [10-й опрос «Как думают японцы».] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20190107_1.pdf

За последние 20 лет число японцев, считающих Японию «первоклассной страной», выросло с 37,5 до 51,9% (табл. 15); доля тех, кто полагают, что «японцы обладают особыми качествами, превосходя другие народы», выросла с 51,0% в 1998 г. до 64,87% в 2018 г.; наблюдался также и тренд к увеличению количества желающих быть полезными своей стране. Причин для нарастания патриотических настроений несколько: это — опять же защитная реакция на глобализационные процессы, нарастание международной напряженности в регионе, постепенный выход из экономического кризиса.

Представления о приоритетных направлениях государственной политики

Пассивность большинства японцев как членов гражданского общества и фактическое делегирование субъектности политическому классу тем не менее не исключают таких элементов политической идентичности,

как представления о приоритетах развития страны, основных политических проблемах и своих собственных интересах.

Приоритетность различных политических задач в глазах японцев рельефно видна в опросе *Асахи*, предложившем респондентам следующее: «Принимая решение о том, как голосовать на предстоящих выборах в палату советников, отметьте любое количество направлений политики, которые Вы считаете наиболее важными» (табл. 15).

Таблица 15

Направления политики, которые считаются наиболее важными, %

Варианты ответа	Доля ответов, 2019 (n=2043)
экономика и проблемы занятости	66
социальное страхование и социальное обеспечение	65
проблема увеличения потребительского налога	31
фискальная реформа	31
торговые соглашения	10
ликвидация последствий стихийных бедствий	32
энергетика и проблема ядерной энергии	25
образование и воспитание детей	46
внешняя политика и безопасность	36
изменение конституции	22
другое, затрудняюсь ответить	3

Источник: Кэмпо то сэйдзи исики-но ёрон тёса. [Опрос по проблемам конституции и политики.] // *Асахи*. 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM4M4CDXM4MUZPS003.html>

Несколько иной подход был положен в основу опросов NHK «Как думают японцы»⁵. Респондентам предлагалось выбрать одно направление из семи. Вот результаты пяти опросов, проведенных с 1998 по 2018 г. (табл. 16).

Заметные тренды — повышение внимания к внутренней безопасности почти в два раза (!) и снижение — к национальной экономике, тоже почти вдвое (табл. 16). Судя по серии интервью авторов с японской профессурой, первое объясняется ростом числа правонарушений, связанного, как считают, с притоком мигрантов. Отметим, что внимание к проблемам занятости, пенсионного обеспечения и благосостояния в 2019 г. (табл. 15) (65%) почти в два раза выше, чем к проблемам внешней политики и обороны (36%).

⁵ Опрос НИИ NHK «Как думают японцы» проводится с 1973 г. с регулярностью в 5 лет путем рандомизированного личного интервьюирования 5400 граждан Японии во всех возрастных когортах от 16 лет. Респондентам задаются одни и те же вопросы об отношении к политике, их национальном самосознании, отношении к повседневной жизни и ключевым ценностям.

Таблица 16

Приоритетные проблемы политики, % от числа опрошенных

Направления	Доля ответов по годам				
	1998 (n=3622)	2003 (n=3319)	2008 (n=3103)	2013 (n=3070)	2018 (n=2751)
обеспечение внутренней безопасности и порядка	11,0	17,1	21,4	17,0	20,4
развитие национальной экономики	48,0	48,1	24,7	37,3	23,8
повышение благосостояния народа	18,4	13,7	28,1	20,4	26,3
защита прав граждан	7,3	7,7	12,2	10,9	16,4
развитие образования и культуры	1,2	2,0	2,5	2,7	2,4
расширение возможностей участия народа в политике	9,2	5,9	5,9	4,6	5,0
укрепление дружбы с зарубежными странами	1,5	1,4	1,3	3,6	2,1
другие	0,4	0,5	0,5	0,7	0,5
не знаю, нет ответа	2,9	3,6	3,4	2,8	3,2

Источник: Дайдзюкай «Нихондзин-но исики» тёса. [10-й опрос «Как думают японцы».] // NHK. НИИ Эн-Эйч-Кэй [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09. 2019. URL: https://www.nhk.or.jp/bunken/research/yoron/pdf/20190107_1.pdf

Опросы показывают, что японцев интересует социально-экономическая повестка дня, прежде всего укрепление социального государства. Они в большей мере, чем общества большинства других стран, воспринимают патерналистское государство как гаранта экономической и социальной безопасности, одобряют контроль над экономикой.

Некоторые выводы: японцы — неполитическая нация?

Приведенная подборка опросов общественного мнения позволяет утверждать, что уходящие корнями в глубь истории стереотипы и политические практики по-прежнему играют важную роль в формировании конфигурации политической идентичности японцев, определяя такие ее черты, как низкий уровень индивидуальной партисипативности и упование на покровительство вызывающих симпатию и доверие представителей политического класса, ожидание социальной защиты со стороны правительства, высокая степень национального единства и поддержка государства как основного политического субъекта. Кажущаяся индифферентность общества к политике и своеобразные представления о демократии скрывают механизмы, придающие политической системе Японии запас прочности перед разными вызовами и охраняющие ее от резких потрясений.

Причина такой индифферентности — это стремление в контексте нелинейной динамики социально-политических трансформаций положиться на патернализм правящей элиты. Обращает на себя внимание и *толерантное отношение* японцев к властям, несмотря на недовольство политикой кабинета.

Идентичность японцев в плане поддержки той или иной политической партии можно определить как негативную, так как более 40% опрошенных не отождествляют себя с какой-либо партией или политическим движением. Однако это не значит, что они неохотно участвуют в выборах. Как правило, они голосуют, исходя из симпатии к тому или иному политическому деятелю. Японское общество, несомненно, причисляет себя к демократическому типу политического устройства. Однако трудно его назвать полнокровной «демократией участия»; опросы показывают, что партисипативность японцев заметно ниже, чем, скажем, французов. Судя по опросам, японское общество дрейфует от представительной демократии, в которой взаимосвязанно работают много институтов, к мониторинговой демократии и популизму, когда функционирование институтов частично подменяется прямым эмоциональным обращением лидера к нации (например, лозунг Абэ Синдзо «Вернем Японию» (*Torimodosé, Nihon-o!*) сродни лозунгу Дональда Трампа *Let's make America great again!*).

Отождествление себя с государством во многом определяет устойчивое голосование японцев за правящую партию даже при значимой степени несогласия с ее политикой.

Было бы неверным, однако, считать японцев «неполитической нацией». Можно говорить о прагматическом взгляде на политику. Опросы последних 20 лет показывают, что японцы более озабочены проблемами пенсий и роста благосостояния, старения населения, налоговой и образовательной реформами, чем вопросами внешней политики и обороны. Желательный путь развития для них воплощен в образе комфортной для проживания страны, не претендующей на статус великодержавности и не участвующей в международных конфликтах.

Внешнеполитическая составляющая политической идентичности японцев складывается из ощущения уязвимости перед лицом угроз, исходящих от внешнего мира — северокорейской ядерной программы (именно Япония — потенциальная цель шантажа из-за незначительного полетного времени баллистических ракет пхеньянского режима).

Среди ключевых трендов развития политической идентичности японцев отметим два конкурирующих: 1) воспроизводство *status quo* (представленного устойчивой поддержкой системы правления доминантной партии, во многом формирующей бюрократическую вертикаль); 2) намечающиеся тенденции к росту низовой политической активности и усилению партисипативной составляющей политического самосознания. Перспективу изучения политической идентичности японцев можно очертить как исследование состояния общественного мнения по конкретным политическим вопросам, которое позволит протестировать предложенную схему, выделить нюансировку и тренды ее трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

1. *Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В.* Развитие и институционализация социологии в Японии // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10 (4). С. 899–903 [электронный ресурс]. Дата обращения 30.09.2019. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32425>
2. *Иногүти Т.* Сэйдзи рирон. [Политическая теория]. Токио: Минерва, 2015. v+278 с. [на японском языке].

3. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5 (сентябрь). С. 134–147. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>
4. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
5. *Митупова С.А.* Японская социология и проблема идентичности в японском обществе // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 113–121.
6. *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 12–16.
7. *Попова О.В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2002. — 258 с.
8. *Семененко И.С.* Политическая идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 349–354.
9. *Семененко И.С.* Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
10. *Тайра Х.* Косицу-но кики [Кризис императорского дома]. Токио: Гэнтося медиа консалтинг, 2018. — 162 с. [на японском языке].
11. *Тимофеев И.Н.* Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО-Университет, 2008. — 175 с.

Дата поступления: 15.08.2019.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 4. P. 38–55. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6816

S.V. CHUGROV

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation.

L.B. KARELOVA

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russian Federation.

Sergey V. Chugrov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations.

Address: 76, Prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (495) 502-43-17. **Email:** new-polis@politstudies.ru

Liubov B. Karelova — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of RAS.

Address: 12, bl. 1, Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (910) 401-31-56. **Email:** lbkarelova@mail.ru

THE PROFILE AND MAJOR TRENDS OF JAPANESE POLITICAL IDENTITY: EVIDENCE FROM 1998–2019 SOCIOLOGICAL SURVEYS

Abstract. The difference between non-Western and Western matrices of political identity has been attracting the attention of researchers since the end of the 19th century. This issue is located at the intersection of sociology and political science. The purpose of this article is to identify the specifics of political identity in Japan based on public data from the past 20 years, which is analyzed while taking into account the characteristics of the national political system and the political culture of this country. The authors focus on the idea of Japan's self-image, the most important tasks and preferred forms of governance, attitudes towards government institutions, as well as certain qualities of citizens in terms of their self-assessment as subjects. The article combines sociological methods for analyzing

opinion polls with a historical and cultural approach, as well as the method of “deconstruction”, which involves defining the basic concepts, narratives, myths and other forms of discourse that have been transformed into elements of political identity or which influence its formation. Opinion surveys show that traditional mental patterns continue to play a significant role in shaping the configuration of the political identity of the Japanese, identifying such features as a trust in the patronizing representatives of the political class, an urge for social protection from the authorities, a high degree of national unity, support from the state as the main political entity, and a low level of individual participation. In the context of nonlinear dynamics of socio-political transformations, such unique features derive from the desire to rely on patrimonialism and other traditions.

Keywords: political identity; Japan; opinion polls; self-identification; traditions.

For citation: Chugrov S.V., Karelova L.B. Profile and Major Trends of Japanese Political Identity: Evidence from 1989–2018 Sociological Surveys. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 38–55. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6816

The study was conducted under support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Expert Institute of Social Research, Project No. 19-011-31666 “Values and traditions in the formation of political identity in Japan (prospects for Russian-Japanese relations)”.

REFERENCES

- Zamogil'nyi S.I., Stavropol'skii Yu.V. The Development and Institutionalization of Sociology in Japan. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2013. No. 10 (4). P. 899–903. Accessed 30.09.2019. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32425> (In Russ.)
- Inoguchi T. *Seiji riron*. [Political theory]. Tokio: Minerva publ., 2015. v+278 p. (In Japan.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Trust in an Unstable Russian Society. *Polis. Political Studies*. 2019. No. 5. P. 134–147. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>
- Malinova O.Yu. Symbolic Politics and the Construction of Macro-political Identity in Post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2010. No. 2. P. 90–105. (In Russ.)
- Mitupova S.A. Japanese Sociology and the Problem of Identity in Japanese Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. No. 4. P. 113–121. (In Russ.)
- Pantin V.I. Political and Civilizational Self-identification of Modern Russian Society in the Context of Globalization. *Polis. Political Studies*. 2008. No. 3. P. 12–16. (In Russ.)
- Popova O.V. *Politicheskaya identifikatsiya v usloviyakh transformatsii obshchestva*. [Political identification in the conditions of transformation of society.] St Petersburg: Izd-vo SPbGU publ. 2002. 258 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Political Identity. Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. *Politika. Entsiklopedicheskoe izdanie*. [Personality. Society. Policy. Encyclopedic Edition]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Izdatel'stvo “Ves' mir” publ., 2017. P. 349–354. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Horizons of Responsible Development: From Scientific Discourse to Political Management. *Polis. Political Studies*. 2019. No. 3. P. 7–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Taira H. *Kositsu no kiki*. [Imperial House Crisis]. Tokio: Gentosya media konsalting publ., 2018. 162 p. (In Japan.)
- Timofeev I.N. *Politicheskaya identichnost' Rossii v postsovetskii period: al'ternativy i tendentsii*. [The political identity of Russia in the post-Soviet period: Alternatives and trends]. Moscow: MGIMO-Universitet publ., 2008. 175 p. (In Russ.)
- Anno T. *National identity and Great-power Status in Russia and Japan. Non-western Challengers to the Liberal International Order*. L., N.Y.: Routledge, 2019. 200 p. DOI: 10.4324/9781315266176-4
- Ashizawa K. When Identity Matters: State Identity, Regional Institution-building, and Japanese Foreign Policy. *International Studies Review*. 2008. No. 10 (3). P. 571–598. DOI: 1468-2486.2008.00805.x
- Inoguchi T., Jain P. Introduction. From Karaoke to Kabuki Democracy: Japanese Politics Today. *Japanese Politics Today. From Karaoke to Kabuki Democracy*. Ed. by T. Inoguchi, P. Jain. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 1–9. DOI: 10.2307/2672139
- Maruyama M. The structure of Matsurigoto: The basso ostinato of Japanese political life. *Themes and Theories in Modern Japanese History*. Ed. by S. Henny and J.P. Lehmann. L.: Athlone Press, 1988. P. 27–43. DOI: 10.5040/9781472553638.ch-002
- Morris-Suzuki T. Ethnic Engineering: Scientific Racism and Public Opinion Surveys in Midcentury Japan. *East Asia Cultures Critique*. 2000. Vol. 8 (2). P. 499. Accessed 30.09.2019. URL: <http://muse.jhu.edu/article/27952> DOI: 10.1215/10679847-8-2-499
- Nagasaka T. Japan as a Changing Civil Society. Public Philosophy and the Three-sector Model. *A New Japan for the Twenty-first Century. An Inside Overview of Current Fundamental Changes and Problems*. N.Y.: Routledge, 2008. P. 87–111. DOI: 10.4324/9780203928011
- Pyle K.B. *The New Generation in Meiji Japan*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1969. 232 p.

Received: 15.08.2019.